

**РИМВИДАС ПЕТРАУСКАС. ЛИТОВСКАЯ
ЗНАТЬ В КОНЦЕ XIV–XV ВВ.: СОСТАВ —
СТРУКТУРА — ВЛАСТЬ. —
Вильнюс: Айдай, 2003.**

В книге исследуется происхождение, состав и структура литовской знати в конце XIV–XV вв., что помогает выяснить предпосылки формирования власти этой социальной группы и говорить о дуализме власти великого князя и знати. Относительно XV в. можно выделить две основные тенденции самовыражения этих социальных групп — персональную преемственность и внутреннюю трансформацию, которые во многих отношениях соответствовали процессам, происходившим в среде знати Западной и Средне-Восточной Европы.

Уже на первых страницах монографии автор акцентирует внимание на том, что, «желая адекватно понять социальную и политическую жизнь Средневековья, необходимо познать ту группу общества, которая, конкурируя и сотрудничая с князьями, формировала ритм жизни той эпохи» (с. 9). В этом отношении особенно важно исследование социального и политического положения знати в XV в. Петраускас попытался критически рассмотреть преобладающую в историографии теорию, согласно которой верхушка литовских бояр только около середины XV в. смогла сформировать свою самостоятельную власть. Критика этой теории и является одной из задач работы. В историографии укрепление бояр обычно связывают с тремя явлениями: унией с Польшей и рецепцией польских правовых институтов; в противовес власти удельных князей создаваемой Витовтом новой социальной и политической структурой; борьбой князей XV в. за власть и этой борьбой обусловленными уступками боярам.

Петраускас замечает, что уже терминология летописей XIV в. показывает неоднородность литовских бояр, и понятно, что существовал социальный слой, который сосредоточил в своих руках основные функции управления. Автор этот слой и называет знатью, а природу их власти — основной проблемой изучения

(с. 11). Р. Петраускас утверждает, что хотя вопрос природы власти знати делится на несколько частных вопросов, ответить на них возможно только при помощи прозопографического исследования — персональной истории недостаточно. По его мнению, важнее не отдельный индивид, а значение его окружающей социальной группы. Поэтому часть работы автор посвятил структурам, в которых рассеивалась мощь знати. Во-первых, его интересовали родовые сообщества, основанные на кровных связях. Исследование значения родовых сообществ в структуре бояр является другой важной темой работы. Последняя проблема работы — в контексте родства и дополняющих его других социальных связей — исследование соотношения власти между великим князем и знатью.

В отдельном разделе (с. 48–56) автор основательно обсуждает понятие знати, подчеркивая, что оно не является синонимом понятию «господин», и акцентируя, что «возможно предполагать, что существовал социальный слой, в руках которого были сосредоточены функции власти, их исполнение: представители этого слоя занимали самые главные должности, входили в состав совета великого князя Литвы (далее — вкЛ), имели землевладения, которые постепенно всё более увеличивались. Именно этот слой и является объектом исследования» (с. 49). Выделяя названия, упоминаемые в летописях Крестоносного Ордена, термины, которыми определяют себя сами бояре, автор приводит также чаще всего в источниках используемые дефиниции; он обращает внимание на то, что критерием принадлежности к знати могут быть и отдельными лицами занимаемые должности. Р. Петраускас подчеркивает, что своим исследованием он стремится раскрыть происхождение, внутреннюю структуру, предпосылки и характер власти знати, также происходившие в XV в. перемены её структуры и форм. А «доказав, что социальное положение знати было наследственным, возможны более универсальные выводы о дохристианской социальной структуре Литвы» (с. 14). Поэтому представляемая студия является попыткой совместить персональную и социальную историю — автор стремится установить происхождение литовской знати и доказать ее преемственность, также пробует показать тот структурный перелом, который произошел в среде знати в середине XV в.

Хронологические рамки исследования (конец XIV–XV вв., а точнее 1387–1492 гг.) обусловили имеющиеся в распоряжении автора источники. Хотя основная структура работы строится не на хронологических принципах исследования, а на проблемных, в некоторых разделах автор придерживается как тех, так и других. Сначала исследуется состав и происхождение знати, потом ученый переходит к анализу структуры знати, исследование заканчивает проблема власти знати. В конце работы автор приводит список должностных лиц в ВКЛ в 1387–1492 гг. и прозопографию 188 представителей литовской знати в рассматриваемый период, т. е. исследует родственные связи, основные биографические данные, политическую и благотворительную деятельность знати.

Во «Вступлении» автор обсуждает методы исследования, историографию, акцентируя, что многим работам, которые формировали историографическую традицию и определяли тенденции изучения проблемы, характерен тот недостаток, что «на более ранние времена авторы смотрят из перспективы конца XIV–XV вв., ищут всегда действующего определения бояр. Анализ реальных отношений заменяет изучение правовых формулировок, нет последовательного обсуждения источников, полностью игнорируется персональная история» (с. 31), так как персоналии и структуры исследуются авторами отдельно. Это побудило Р. Петраускаса выбрать иную структуру своей работы. По его мнению, «состав и структура знати являются двумя аспектами одного и того же исследования, которые объясняют и дополняют друг друга: персональные данные помогают лучше понять социальную историю, изучение структуры общества нередко помогает точнее раскрыть биографические факты. Если не исследуема структура рода, генеалогические поиски немного объясняют. Но без детальных генеалогических исследований невозможно заметить происходящие структурные изменения. Постоянное сочетание “структурного” и “персонального” взгляда является основным мотивом этой работы» (с. 39–40).

Объект представляемой студии более обширен и по сравнению с ранними студиями, в которых изучались политические элиты. Автор руководствовался принципом, что, желая понять положение самых влиятельных представителей знати, необходимо познать

их окружение. Поэтому он исследует и родственников представителей знати, при этом стремится учитывать широкий исторический контекст. В то же время социальная группа (род, церковная община, политическая группа), являясь такой же реальной, как и индивид, позволяет сделать более широкие обобщения. Используя категорию социальной группы, Р. Петраускас смог лучше заметить происходящие процессы, интерпретировать политические события и т. д.

Автор обратил внимание, что при изучении положения знати часто игнорируется феномен её самосознания, который в основном определял в обществе того времени доминацию принципа знатности. С феноменом самознания связан ещё один аспект — имена бояр, изменение системы которых на рубеже XIV–XV вв. позволяет найти важные отсылки для понимания происходящих социальных изменений и их отражения в сознании людей.

Однако источники не позволяют адекватно понять роль знати в политических процессах XIII–XIV вв. Только с конца XIV в., когда культура письма вкоренилась во внутренней жизни Литвы, образовался комплекс источников, в которых более широко отражаются реалии края. Начиная с этого времени, сразу заметно влияние знати в системе власти. В работе автор использует источники трёх видов: нарративные тексты, письма и документы. Особое значение для исследования имели списки свидетелей при выдаче отдельных документов великих князей (тестации). На основе этих источников автор выделил группу людей, которая непосредственно участвовала в управлении государством. В тестациях на протяжении всего исследуемого периода находятся представители тех же самых родов. Необычность этой группы (знати) показывает и брачная политика её членов, главный принцип которой — брак с людьми того же ранга или людьми, происходящими из рода князей. Хотя эта социальная группа и не была определена в правовых документах и мелкие бояре могли теоретически в неё попасть, однако результаты исследования автора показывают, что только очень малой части таких бояр удалось это сделать. Тестации послужили и как основной источник, позволяющий понять динамику изменения властвующей элиты, дифференциацию в самой её среде. Автор обратил внимание на интитуляции и тестагии доку-

ментов, в которых отражается социальное и политическое самосознание бояр и из которых можно узнать окружение донатора.

В студии в состав знати, во-первых, внесены те личности, которые были самыми близкими советниками князя, участвовали в его представительствах, были должностными лицами центральной и местной власти. Этот довольно узкий круг людей автор расширяет родственниками знати. По мнению автора, такое решение соответствует обществу, мыслящему категориями происхождения, и позволяет лучше понять предпосылки социальной власти знати.

Работа состоит из трёх разделов: «Состав знати», «Структура литовской знати XV века», «Власть знати». В разделе «Состав знати» автор изучает положение властвующей элиты в 1392–1492 гг., разделив этот период на два подпериода. Точкой раздела он выбрал 1460 год. По его мнению, вторая половина правления Казимира внесла важные изменения в состав властвующей элиты: вымерло поколение, которое сформировалось во времена Витовта и которое смогло на протяжении долгих лет сосредоточить в своих руках главные рычаги власти. На основе анализа тестаций Р. Петраускаса замечает, что «правители главные решения — принятие привилегий, фундаций, переговоры с послами зарубежных государств и составление международных договоров, — выдавали соответствующие документы при участии широкого совета, на котором собирались самые влиятельные личности страны» (с. 59). Автор выделяет 6 периодов: «1) 1392–1404 гг. (первая дата обусловлена приходом Витовта к власти, вторая дата — серией договоров 1401 и 1404 гг. с Польшей и Крестоносным Орденом. Последняя дата совпадает со смертью нескольких самых известных представителей знати — Андрея Гоштаута и Братоши); 2) 1405–1413 гг. (Городецкая уния); 3) 1414–1430 гг. (смерть Витовта); 4) ноябрь 1430 года — сентябрь 1432 года: правление Свитдригайла; 5) сентябрь 1432 года — март 1440 года: правление Сигизмунда Кейстуовича; 6) апрель 1440 года — 1459 год» (с. 60–61). Автор, зарегистрировав все упомянутые в используемых источниках лица и выделив перечисленные шесть периодов, составил таблицу, в которой отражается продолжительность участия отдельных представителей знати в жизни государства. По мнению Р. Петраускаса, имеющиеся данные позволяют сделать основной

вывод — «на протяжении всех шести периодов не замечаем ни одного внезапного перелома в составе политической элиты. На протяжении исследуемых 70 лет замечена только классическая модель постепенного роста влияния знати» (с. 66). По мнению автора, все отцы лидеров второго поколения знати играли важную роль в управлении государством. Поэтому и появление второго поколения в верхах власти было обусловлено их происхождением (с. 66).

В этом разделе автор уделяет также внимание происхождению знати времён Витовта и проблеме «новых людей». Исследовав происхождение влиятельных бояр, он пытается проверить утверждение Й. Сухоцкого, по мнению которого в это время возвысилась группа знати, которая своим влиянием и положением выделилась из широкой массы бояр. Р. Петраускас считает, что для лучшего познания социальной структуры при Витовте, механизмов власти знати необходимо попробовать отыскать в источниках предков знати и определить географию её происхождения (с. 75). Автор, изучив упомянутые вопросы, пришёл к выводу, что в рассматриваемый период вотчинные земли литовской знати были сосредоточены на сравнительно компактной территории, которая почти совпадает с узким определением Литвы. Хотя, несомненно, правление Витовта помогло усилить власть бояр, однако теория, что в его времена произошли основные изменения в составе литовской элиты, по мнению Р. Петраускаса, не подтверждается. Нет основания говорить о каком-либо значимом числе «новых людей», которые влились бы в уже сформировавшуюся структуру знати.

Исследование структуры литовской знати XV в. ученый начинает с обсуждения понятия рода. Даже при помощи интерпретации системы имён бояр он пытается определить контуры самосознания рода в XIV–XV вв. и утверждает, что это было «горизонтальное», а не «вертикальное» самосознание, когда помнили родственников того же самого поколения боковых и брачных связей, но забывали о прадедах (с. 113). Самосознание рода придавало большое значение родству со стороны матери. С такой когнативной структурой рода была тесно связана проблема вотчинных земель бояр, которые довольно долгое время являлись правовым объектом рода. Обсуждая проблему вотчинных земель, Р. Петраускас

признает, что самую влиятельную и концептуальную модель развития вотчинных земель создал Ловмянский, хотя и в этой модели он находит некоторую непоследовательность. В разделе изучается отношение «трети» с адаптацией (усыновлением) и замечается, что в этом важную роль сыграли новшества, привнесенные Церковью, которая, по мнению автора, была главным каналом проникновения в общество Литвы римского права и с ним связанного правового мышления. В последней части этого раздела исследователь, обсуждая размер и структуру землевладения бояр, не соглашается с утверждением Ловмянского о незначительном количестве землевладений литовских бояр во времена Витовта. Источники показывают довольно сложную структуру владений бояр в Литве в начале XV века. Она не может быть адекватно выражена формулой: один боярин — один двор. Структуре вотчинных владений характерна их топографическая нецелостность. Земли бояр были разбросаны в разных местностях страны. Автор акцентирует значимость вотчинных земель как основного гаранта сохранения социального статуса (с. 131). Если обедневшим представителям рода грозила опасность социальной деградации, социальная стабильность, представляемая родом, была важна: влиятельные родственники являлись самыми лучшими посредниками в решении различных проблем.

Род того времени представлялся закрытой, однако постоянно изменяющейся общиной, в которой родство со стороны отца и матери имело в принципе равное значение. Структура такого рода не была стабильной, так как каждое поколение существовало в новой родственной констеляции. По этой причине рода того времени не имели стабильных землевладений, и их состав изменялся с каждым разделом, браком или наследством. В таких условиях на протяжении длительного времени не могли сформироваться наследственные имена рода и долговременные «родовые гнезда». Это обстоятельство и определило характер «разбросанности» землевладений бояр. Политическая координация внутри рода не является сама собой разумеющейся, однако очевидно, что родственные связи помогали в формировании политических групп. Основными функциями рода являлись обеспечение своим членам социальной стабильности, охраны личности и заботы о памяти предков.

Заканчивая раздел, автор утверждает, что в «XV веке род и дальше играл важные функции в жизни общества. Несмотря на довольно неопределенный его правовой статус, он превосходил своим влиянием на отдельного индивида все другие социальные структуры. Модель рода была использована в создании новых “горизонтальных” структурных сообществ — братств, монашеских общин, которые в свою очередь переняли и часть прерогатив рода. С течением времени другая часть функций рода перешла к сформировавшимся государственным институциям. Изменился и сам род. Широкая сеть родственных связей, которые когда-то формировали его мощь, стала неактуальной. Её заменяло желание сконцентрировать значимость рода и его богатства в одних руках, таким образом пытаясь охранить себя от возможного раздела вотчинных земель» (с. 140).

В последней части этого раздела ученый пытается раскрыть некоторые аспекты повседневной жизни знати. Однако из-за того, что источники XV в. об этом почти не говорят, представляемая информация довольно обтекаема. Автор упоминает широко распространенное предположение, что, скорее всего, знать посылала своих сыновей во двор правителя. Между двором правителя и вотчинными землями протекала и вся жизнь знати. Р. Петраускас отмечает, что сама знать не могла охватить все дела, поэтому на помощь призывала помощников, которых он разделил на три группы: родственники знати; во дворе работающие знатные люди; более низкого происхождения служащие и ремесленники. В отдельную группу он выделил духовенство и писарей (с. 146–147). Немало внимания уделено и отражению христианских ценностей в жизни знати. Так же акцентируемо и многоконфессиональное окружение ВКЛ.

В разделе четвертом — «Власть знати» — автор пытается найти ответ на вопрос: какую роль в структуре власти ВКЛ в XIV–XV вв. играли должностные лица. Также рассматривается формирование системы должностей, структура которой, по мнению автора, была довольно развита на местах. Р. Петраускас много внимания уделяет объяснению противоречий: анализирует соотношение терминов «староста» и «наместник»; случаи, когда в одно и то же время одну должность занимало сразу несколько че-

ловек. В этом разделе автор сосредоточил внимание также на корреляции персоналий должностных лиц и родственных связей. На основе исследования персонального состава должностей он доказывает, что на ротацию должностных лиц влияли родственные связи. И хотя родство с должностным лицом не было необходимым условием для занятия той или иной должности, однако частые случаи наследования должностей показывают, что великий князь не был заинтересован менять устоявшуюся власть на местах. Такая ситуация сложилась потому, что правитель, желая утвердить свою власть на местах, но еще не обладая административной структурой, охватывающей всю страну, должен был неизбежно искать поддержки в среде местных бояр. Вряд ли ему было выгодно ломать иерархические отношения, установившиеся в землях, поветах, волостях (с. 164). Р. Петраускас, основываясь на таких утверждениях, предполагает, что, зная в Литве существовала не только потому, что когда-то правитель некоторых представителей бояр назначил на высокие должности, но, скорее всего, потому, что, назначая их, он понимал, каким людям можно предоставить такие права. По мнению автора, преобладающее в историографии утверждение о том, что «природа литовских бояр была должностная», довольно упрощенное: оно не отражает реальных социальных и политических отношений в литовском обществе. В ряды властвующей элиты могли попасть и личности, которые не занимали никаких должностей. По мнению автора, иерархия властвующей элиты не совпадала с градацией должностей и в более поздний период.

В другой части четвертого раздела исследуется власть знати и великого князя. Р. Петраускас, соглашаясь с утверждением, что в XV в. власть знати постоянно возростала, поднимает вопрос о соотношении власти великого князя и знати. Автор пытается ответить на вопрос, как на эволюцию упомянутых отношений повлияло то, что правитель постоянно не жил в государстве; как на политическое и социальное развитие этих отношений повлияла рецепция польских примеров, а как местное наследие. Чтобы ответить на эти вопросы, Р. Петраускас особое внимание обращает на группы знати; раскрывает принципы формирования таких групп и пытается найти новые категории, основываясь на которых, можно было

бы по-новому интерпретировать политические события ВКЛ в рассматриваемый период. Он исследует сформировавшиеся в конце XIV и в начале XV вв. группы знати; ее роль в борьбе за престол между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстуовичем в 1430–1435 гг., в убийстве Сигизмунда Кейстуовича и правлении Казимира Йогайловича в 1447–1492 гг. (этот период автор называет периодом консолидации знати). Конкуренция внутри династии Гедиминовичей позволила проявиться воли знати. Именно категория группы знати, во главе которой стоял представитель из династии Гедиминовичей, позволяет более точно интерпретировать многие важные политические события XV века. Перемены в рядах властвовавшей династии и знати, происшедшие в период длительного правления Казимира, повлияли на изменение принципов формирования групп знати и, что наиболее важно, на консолидацию властвовавшей прослойки. Во второй половине XV в. знать начинает воспринимать себя как единую касту, хотя ее представители и дальше борются между собой за более высокое положение. Р. Петраускас, обсуждая характер власти этой социальной касты, утверждает, что «великий князь мог править только при помощи знати... Власть знати на рубеже XIV–XV вв. была реальным политическим фактором. Поддержки знати добивался каждый правитель, взошедший на престол» (с. 196).

В выводах к работе исследователь акцентирует внимание на том, что наследственную природу знати подтверждает стабильность состава этой социальной прослойки. Знать времен Витовта была наследником знатных людей. Предположение об уничтожении и вымирании старой знати автор не подтверждает. По его мнению, распространенная в историографии теория об изначальной власти князя, из которой исходит вся структура правления, не является адекватна вопросу о функционировании власти в средневековой Литве. Стоит говорить не об определенной хронологической границе, которая разделяет «первичную» власть правителя и «вторичную» власть знати, а о различной степени этих властей и их коэзистенции. Знать имела свои корни власти. Правитель мог расширить или сузить ее границы, уменьшить политическое влияние той или иной персоны, однако устранить или истребить знать он был не в силах. И вообще, по мнению автора, вряд ли правомерна

теория о конкуренции правителя и знати. Правители не вели осознаной политики обновления властвующей элиты, да и сама знать признавала высшую власть великого князя. Конфликты XIV–XV вв. нельзя интерпретировать как реакцию знати на правителя. Было бы ошибочным противопоставлять правителя, радеющего о целостности государства, и эгоистичную знать, поощряющую тенденции децентрализации государства. Знать, владеющая землями в различных регионах страны и завязавшая родственные связи с местной элитой, была заинтересована сохранить единую власть.

Когда создавались новые государственные структуры, утверждалась должностная система, неизбежна была и трансформация рода в строго агнативный, в котором доминировала наследственность по линии отца. Эта трансформация связана с концентрацией власти в руках некоторых родов знати. Трансформацию отражает появление имен («фамилий») родов и генеалогического самосознания.

Р. Петраускас, подводя итоги анализа системы местных должностей, утверждает, что топография власти старосты совпадает с географией его происхождения: обычно старостами назначали таких лиц, которые в управляемых местностях имели свои алоды. Такое утверждение позволило автору выдвинуть гипотезу о двойственной природе староства. В тамошних условиях, создавая государственные структуры, было просто необходимо использовать местную иерархию. Возрастание значимости центральных должностей во второй половине правления Казимира связано с происходившими в то время процессами формирования центральных административных институтов государства.

То обстоятельство, что знать в XV в. владела землями, размещёнными в различных уголках страны, которые, по мнению автора, были довольно обширными и во времена Витовта (что входит в противоречие с утверждениями предыдущей историографии), позволило ей утвердить свою власть в различных регионах и завязать личные контакты с местными боярами. Это и был важный фактор консолидации ВКЛ. В XV в. тон жизни знати задавало исполнение поручений правителя и управление вотчинными землями. Вотчинные земли в обществе того времени были основным центром социальной коммуникации: они были центром местной

политической власти, в них знать строила церкви, некоторые представители, руководствуясь примером правителя, имели довольно развитую структуру дворов. Власть знати сосуществовала с властью великого князя.

Случаи «наследственности» должностей, превращение бенефиций в феодалы показывают, что в Литве в XV в. создались условия для формирования феодальной системы. Процесс этот был вызван коммуникацией со знатью соседних краев и стран Западной Европы, перенимаемыми элементами рыцарской культуры, в начале XVI в. появившимися основами иерархии титулов. Потомки ранней литовской знати, перенимая новые формы боярской жизни, превратились в европейских бояр.

Изменения в социальных и политических структурах XV в. не повлияли ни на социальную консистенцию власти знати, ни на её состав. В конце столетия в верхах власти мы находим внуков и правнуков знати, жившей в конце XIV в. Привилегиями правителя назначенная на правящие должности знать в новых условиях только утвердила и дополнила уже существовавшие отношения. Однако изменилась структура знати: власть и богатства всё более сосредотачивались в руках одного рода. Таким образом, некоторые представители знати смогли сыграть более яркую роль в истории, нежели их предки. Вместе с тем, проявились и негативные последствия, отразившиеся на социальном положении знати. Трансформация родовой структуры увеличивала опасность вымирания отдельных родов, а уменьшение значения широкой сети родственных связей, которую не смогла до конца изменить так и незавершённая феодальная система, стало одной из причин поражения знати во время реформ середины XVI века.

Йолита Сарцевичене